

И вновь я за подтверждением своих слов обращаюсь к Гегелю, которому принадлежат вот такие слова: «Единственно лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая *жизнь*, *знающая себя истина* и *вся истина*» [3, с. 288]. И мало того, делая такой заключительный вывод своей «Науки логики», Гегель подчеркивает, что бытие как носитель вечной жизни и абсолютной истины есть, к тому же, «тождество теоретической и **практической** (выделено мною – А.И.) идей.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука. – 2001. – Т.3. – 583 с.
2. Гегель Г.В.Ф.. Наука логики: в 3-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль. – 1970-1972. – Т. 3. – 1972. – 371 с.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека /Пьер Тейяр де Шарден. – М.: Наука. – 1987. – 240 с.

Никитченко Е.Є.

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭСХАТОЛОГИИ (ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Актуальность эсхатологических настроений, чувств, установок, представлений практически для всего человечества, с каждым годом увеличивает количество научных публикаций на эту тему. Перечень использованной для диссертационных работ литературы, связанной только с попытками философского осмысления апокалиптической проблематики содержит сотни наименований трудов, в зависимости от тех ли иных аспектов эсхатологического дискурса.

Цель нашего исследования ознакомится с теми идеями современных мыслителей и публицистов, которые представлены в средствах массовой информации, то есть с такими, что вышли за пределы малотиражных научных изданий и непосредственно участвуют в актуализации эсхатологии. И, на основе анализа подобного рода суждений, определить собственно онто-гносеологическую составляющую современного отношения человечества к проблеме «конца света».

Само определение поднятой проблемы начинается с конкретной точки отсчёта. Может быть, в грядущем будут позабыты взрывы 11 сентября 2001 года. Но на следующий же день после этой трагедии в статье «Взрыв, а не всхлип» Михаил Эпштейн написал: «С хронологической точностью можно констатировать, что в 10 ч. 28 мин. 11 сентября, с крушением двух башен близнецов Всемирного торгового центра закончилась эпоха постмодернизма.

Реальность, подлинность, единственность, категории, которыми было принято пренебрегать в поэтике постмодернизма, основанной на повторе и игре цитат, на взаимоотражении подобия, жестоко за себя отомстили» [1].

Несмотря на то, что описать начавшийся нулевой цикл невозможно именно из-за его рыхлости и неопределённости, можно утверждать, что в нём уже заметны: «...конец социальной экспоненты» и трансцендентное, и гламур и чуткость, то есть, как заключает М. Эпштейн: «2000 – е нулевые и взрывоопасные. Постмодерная стилевая вздутость, округлость, пена – и растущая из неё угроза, почти апокалипсис, с утончёнными играми вокруг этого «почти – не почти», техновитализм и признак биотерроризма. Переплетение летальности и витальности: первая освежает вкус второй. Взрывная волна, проходящая через весь нынешний виток развития цивилизации и обещающая к середине нашего столетия взметнуть её вверх почти по вертикали. И такие же тенденции к дестабилизации, растожествлению, самоподрыву каждой культуры, всеми своими осколками разлетающейся в раннее закрытые пространства других культур [1].

Размышления и выводы М. Эпштейна позволяют констатировать, что всё, что накоплено человечеством в области ощущений и представлений о «конце света» может: а) актуализироваться в любой момент, причём на всём своём пути «от мифа к логосу» и обратно; б) быть актуальным как мифы или религиозные чаяния современников (в первую очередь верующих авраамистических религий: иудаизма, христианства, ислама; а в той или иной степени, и других деноминаций) и неверующих, поскольку это может быть связано и с личными переживаниями смерти и футурологическими прогнозами; в) без прямого отношения к религии актуальными остаются и «светские» сценарии «гибели человечества», коих насчитывается не менее сотни; г) остаются актуальными и утверждения о том, что мы достигли «точки бифуркации; что мы находимся в начале нового «осевого времени» и т.д. и т.п. и, наконец, д) что вся эта вышеназванная совокупность произведёт «аккумулятивный эффект», станет «эмерджентной причиной» глобальных изменений в конкретно не определённом, но по ощущениям не очень далёком будущем людей.

Исходя уже из подобных констатаций, можно также утверждать и то, как на длительном пути человечества объяснено людям, почему они ведут (должны вести) себя тем или иным образом тоже может быть актуализировано в настоящем и будущем (от идей древних греков о «добре» и «зле», иудейского завета с богом, социалистических идей раннего христианства, имперских идеалов Византии и т.д. и т.п. вплоть до фашизма, коммунизма, либерализма, гуманизма современности). Точно также актуальна и возможность воспроизводства всей той критики, которой подвергали друг друга сторонники разных учений.

Во главе новой культуры может актуализироваться любой её аспект, и, конечно, ему может быть придан эсхатологический смысл, но действительность куда более неразборчива, особенно в провоцировании конфликтов, в том числе и вооружённых.

Корреспондент «Московского комсомольца» Александр Будберг, принимая во внимание тот факт, что большинство людей уверены в том, что где-то есть ответственные люди, которые по долгу службы всё знают, за всем следят и не допустят ужасного финала, что победа Разума неотвратима, и полдень Разума ещё впереди, утверждает, что :»ничего подобного: ни таинственных сил, ни ответственных чиновников, которые всё предотвратят и обезвредят нет... Войну можно не начинать, но «запустив процесс», держать его в руках невозможно... Раскачать лодку «запустить процесс» становится возможным, когда критически большая масса людей «коллективно и бессознательно», начинает воспринимать очередное зло как возможный вариант, имеющий свои плюсы и минусы, который может привести к каким-то позитивным целям. Когда само понятие «война» перестанет быть строго табуированным» [2, с. 3].

Политолог Ральф Дарендорф выдвинул идею о самосбывающемся пророчестве. Если что-то постоянно повторять или чем-то постоянно пугать, это и сбывается [3, с. 2].

Если мы обратимся к философам, чьи идеи превалируют в предсказаниях скверного будущего человечества, то мы прочтём, что «Разложение заложено в самой природе, что невозможно отрицать. Но без временного ограничения оно – незапамятное и неизбежное зло, к которому мы привыкли как к чему-то обязательному и естественному. А разложение цивилизации – творение наших рук и нашего воображения – особенно тягостно потому, что представляется случайным, сознаваемой, или неосознаваемой обреченностью. Человеку выпадает время, в котором ему удаётся если не процветать, то, по крайней мере, жить, и совершенно очевидно, что он свыкается с этим, но вот ему угрожает падение, последствия, которого пока трудно представить» [4, с. 227].

Само научное познание, его процесс: «...с конца XX века начал постепенно расслаиваться на две составляющие. На традиционное знание, цель которого – создание технологий преобразования мира в соответствии с интересами и потребностями человека; и на предупреждающее знание, которое заранее просчитывает влияние инноваций и преобразовательной деятельности человека на общество, природу и ближайший космос. Обе составляющие развиваются параллельно, и одна питает другую... Каким в итоге может быть результирующий вектор раздвоившегося потока научного знания: традиционного «опасного знания» и знания предупреждающего, мы пока не знаем. Единственное, что можно сказать: мы живём в интересную и страшную эпоху, когда от позиции каждого жителя Земли, от его личного выбора здесь и сейчас зависит будущее разумной жизни во Вселенной – человеческим оно будет или же постчеловеческим» [5, с. 13].

Российский политолог М. Дежурин, считает, что в современном мире победу нельзя одержать ни в экономической, ни в военной, ни даже в культурной сферах. Остаётся сфера сознания»: – «Во многих странах сегодня идёт активный поиск «образа будущего». Для мировых центров силы это процесс совершенствования уже имеющихся наработок. Мы отстаем, и это

серьёзно ослабляет наши позиции в мире. Накануне Второй мировой войны Советский союз имел свой образ «счастливого будущего», внедрение которого в общественное сознание по всему миру шло достаточно успешно. И в войне победил [6, с. 2].

Если попробовать уйти от всякой мистики и трансцендентных толкований, то у нынешних эсхатологических проблем можно увидеть и вполне земные корни.

С. Аверинцев изменил финал статьи «эсхатология» в той версии, которая была опубликована в 2001 году, в «Новой философской энциклопедии» (т. 4), добавив в неё «банализацию» эсхатологии вообще, распространившуюся после падения СССР и «вульгаризацию» индивидуальной эсхатологии. Отмечая это обстоятельство, К. Сигов пишет, что С. Аверинцев завершает эту новую редакцию предупреждением: «...Ситуация серьёзной эсхатологии, оказавшейся в угрожающем пространстве между агрессией и со стороны секуляризма, и со стороны сектантского духа, проблема для сегодняшнего религиозного мыслителя, какова бы ни была его конфессиональная (внеконфессиональная) принадлежность» [7].

К вышеназванным «банализации» и «вульгаризации» эсхатологии мы бы хотели добавить ещё и её «дадаизацию» в современном обществе. У нас уже накопилось достаточно анекдотов, распространяемых СМИ, чтобы сделать вывод об высмеивании практически всех сторон апокалиптического дискурса

Размеры тезисов не позволяют привести иные возможные оценки будущего человечества. Но и приведённые суждения позволяют сделать вывод о том, что проблема познания эсхатологических настроений и представлений людей, если не зашла в тупик, то может пригодиться в качестве ещё одного свидетельства о грядущем, или уже наступившем планетарном кризисе разума. С одной стороны, осознаётся в рамках всех когда-либо существовавших форм познания грядущая катастрофа, с другой, она мистифицируется, банализируется, архаизируется, вульгаризируется, дадаизируется. Можем отметить также полихронизм и полиморфизм существующих эсхатологических представлений и их оценок, но в целом, определить наше понимание сложившейся ситуации можно термином «амбивалентность», который давно уже вышел за пределы психиатрического синдрома шизофрении.

Однако, если «актуализация эсхатологии» как процесс, согласно всем представлениям, присутствует в настоящем и направлен в будущее, то следует ли считать это его единственным вектором? Ведь точно также он может быть обращён и в прошлое и свидетельствовать об амбивалентности сознания с архаических времён, конкретно с тех, когда начинает формироваться познание и появляются «первые признаки конца света».

Литература

1. Эпштейн М. Нулевой цикл столетия / М.Эпштейн // «Звезда». – 2006. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/2/ep16.html>

2. Будберг А. Не надо выполнять предсказания / А. Будберг // «Московский комсомолец». – 09.02.09. – С. 3
3. Кива А. «Самосбывающиеся пророчества» / А. Кива // «Литературная газета», 27.04. – 05.05.05. – С. 2
4. Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX–XXI вв. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
5. Гагаш В. «Опасное знание»: как не погибнуть от собственного разума? / В. Гагаш // «Зеркало недели». – 06.10.07. – С. 13
6. Дежурин М. Образы будущего / М. Дежурин // Литературная газета. – 06.12.08. – С. 2.
7. Сигов К. Актуальные аспекты эсхатологии Сергея Аверинцева. – Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/1188/>

Оборотов Ю.Н.

*доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент*

*Национальной академии правовых наук Украины,
заведующий кафедрой теории государства и права
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Прошло более четырех столетий с момента введения термина онтология (Гоклениус Р. Философский лексикон, 1613). За это время использование этого термина прошло путь от признания содержательного совпадения онтологии и метафизики в классической философии до отказа от любых попыток создания онтологии в системе отсчета постмодернистской философии. В этой связи можно констатировать не только изменение представлений об онтологии, с одной стороны, но и движение в направлении отхода от использования этого термина, с другой стороны. Постмодернизм утверждает, что невозможна системно организованная категориальная матрица для описания бытия вне его социокультурной ангажированности, а потому в постмодернистском контексте онтология принципиально невозможна. Отмеченное нацеливает на необходимость осмысления онтологии применительно к современным условиям бытия, в том числе бытия права.

Многообразие онтологической картины мира удачно выражено А.Ю. Цофнасом при выделении таких аспектов онтологии как натуральная онтология (бытие, субстанция, идеальное, сознание, язык и др.), структурная онтология (структура, вещи, свойства, отношения, закон, система, часть, целое и др.) и динамическая онтология (движение, пространство, время, детерминизм, необходимость, случайность, возможность, развитие и др.) [1, с. 31-32]. По этим трем направлениям может быть представлена развернутая характеристика онтологии права.